

— Ваш предыдущий фильм «Падение» вызвал много споров. Новая лента тоже получилась весьма противоречивой.

— Я люблю, когда о моих фильмах спорят. Когда фильм называют противоречивым, это почти верная гарантия того, что он получится интересным. Я люблю политическую некорректность. Порой наши поборники «правильного кино» доходят до абсурда. Они предлагают расовую и национальную квоту среди героев фильма, что автоматически предполагает, что в каждой картине обязательно должны быть дежурные представители геев и лесбиянок, равное количество мужчин и женщин, а также обязательные мексиканцы, японцы, арабы, евреи и прочие национальности. Ну и что за кино тогда получится?

— Но вам не кажется, что выведенный на экране случай — уникальный?

— Согласен. Но именно поэтому, надеюсь, он поможет женщинам лучше понять мужчин, а мужчинам — женщин.

— А вас не смущает проект, сделанный в основном мужчинами, главной злодейкой представил женщину?

— Ну, видите ли, вы задаете этот вопрос человеку, который своего единственного «Оскара» получил за роль злодея. (в фильме Оливера Стоуна «Уолл-стрит» в 1988 году. — Прим. пер.) Мужчины любят играть злодеев. Часто именно ро-

Майкл ДУГЛАС:

Я люблю политическую некорректность

ли плохих парней оказываются самыми аппетитными в фильме. А у женщин постоянно возникают проблемы с ролями подобного плана. Когда в 1975 году я в качестве продюсера делал фильм «Кто-то пролетел над гнездом кукушки», пять актрис отказались от роли медсестры-злодейки. Потом пришла Луиза Флетчер и сыграла так, что получила «Оскара».

— Вам приходилось испытывать что-нибудь подобное тому, что выпадает на долю вашего персонажа?

— Помню, очень давно снимался в каком-то фильме, где женщина была режиссером, и

она часто говорила мне — ну, ты настоящий жеребец! Но я вообще не чувствовал себя жертвой женского цинизма. Наоборот, мне очень нравилось, я считал, что это комплимент. Мужчины любят комплименты.

— Как бы вы определили понятие «сексуального преследования».

— Ну, это темное дело, по крайней мере, для меня. Мне все-таки кажется, что все проблемы, связанные со злоупотреблением властью, можно решить путем мирных переговоров, не прибегая к крайностям. Но, конечно, когда начальник требует от подчиненного услуг сексуаль-

ного характера, это называется сексуальным преследованием.

— Изменил ли фильм ваше отношение к проблеме?

— После того, как мы закончили снимать, я зашел в свой офис, поздоровался с секретаршей и, как обычно, поцеловал ее в щеку. И впервые задумался о том, как она к этому относится. До сих пор я был уверен, что это знак дружбы и расположения с моей стороны, а тут вдруг посмотрел на этот поцелуй в щеку глазами стороннего наблюдателя и смутился.

— Признайтесь, вам трудно было сниматься в сцене, где Меридит практически насилует

вашего героя на столе в кабинете?

— А вы как думаете? Мы два дня промучились! По замыслу режиссера наши тела должны были оставаться на одинаковом уровне высоты в каждом кадре. Никто не должен был доминировать. На экране это выглядит концептуально, но в реальной жизни таких позиций не существует. К тому же стол — ужасно неудобное место, мы оба были в синяках, все кости потом болели!

Беседовал

Роальд РИННИНГ.